

С НАДЕЖДой НЕ РАССТАВАТЬСЯ!

Кто не знает актера Александра Михайлова! Множество заметных ролей в кино и в театре, прекрасные внешние данные... Но в последнее время актер все чаще отказывается от предложений режиссеров. Идет поиск новой характеристики.

С ТОГО дня минуло больше десяти лет. Комнатка в телетеатре, что в Москве, на площади Журавлева. У меня задание редакции: интервью с исполнителем главной роли в снимающемся телефильме «Обретеши в бою». Молодой артист Александр Михайлов приглашен из Саратова. Там, в театре, как меня предупредили, уже сыграл князя Мышкина, Чешкова, и неплохо. Широкому зрителю еще неизвестен. В кино приглашен впервые.

Потолковали. Интервью было напечатано. И вот прошли годы... Михайлов стал одним из самых популярных актеров кино и театра. Пользуясь давним знакомством, заручился его согласием встретиться, поговорить. Это было не просто: его день расписан по минутам.

Грим-уборная Московского театра им. Ермоловой.

Закончилась репетиция, через полтора часа — запись на радио. Пользуюсь паузой и приоритетом давнего знакомства.

— Каково живет под грузом популярности, Александр?

— Популярность — это, конечно, почетно и приятно. Груза ее как-то не ощущаю. Хочешь, продемонстрирую, какой груз действительно тяготит?

Он достал из «дипломата» три толстенных сценария, ухнул на столик — аж зеркало зашаталось.

— Вот они, «шедевры»!.. Один другого тяжелее и скучнее. Выбери — не хочу. Ты же знаешь, я не позерствую. И не безгрешен — бывало, соглашаешься на роль, которую уже в сценарии отхрамалили и отутюжили. Ни складочки. Ничего не надо делать — «надевай» и носи. Спросишь, зачем соглашался?

— Обязательно. Хотя набор стандартных актерских ответов кочует из одного интервью в другое из года в год.

— Должно быть, не скажу ничего оригинального. Да, надежда на режиссера, но прежде всего — на себя, а вдруг сумею нарушить эту заданную сценарием «гладкопись» образа, найти и выявить зерно подлинной судьбы, хотя на минуту перекрыть тихим, искренним, наблюдательным человеческим словом грохот некоего

«производственного» фильма или скрип тормозов на выражах очередного действия с погонями. Пойми меня правильно, я против этих тем и жанров как таковых ничего не имею...

— Не сомневаюсь. И все же... Вот конкретно: кто запомнил, кроме единиц, работника милиции из картины «Признать виновным», где твой герой скорее обозначен, чем сыгран. Бывший «трудный подросток». Теперь сам таким занимается. Умный взор пронизательных глаз. Уверенный голос, попытка заявить силу деятельного добра, а в результате, по моему, пустош — проходная роль в псевдоостром, слабо срежиссированном фильме, «прикрытом» важностью молодежно-подростковой темы.

— Вот ты говоришь — важность темы. А ваш брат критик, журналист задумывается хоть иногда, что актер часто принимает предложение играть в фильме ради темы самой картины? Я говорю, разумеется, об актерах, которые не забыли, что они граждане своей страны. О тех, кого не только и не столько гонорар интересует, сколько возможность попытаться высказаться по действительно общественно значимой проблеме.

— Ну, хорошо, а все-таки — «Признать виновным»... Здесь какие аргументы? Думал ли ты о конечном художественном, воспитательном результате этой картины в целом?

— Разумеется. Но в первую очередь — о своем герое. Разве это не естественно? Соотрудник милиции, старший инспектор по делам несовершеннолетних из «Признать виновным» — я старался передать через образ свое личное беспокойство по поводу нравственного инфантилизма, душевной черствости и жестокости иных подростков и губительного влияния на них слепой родительской «заботы» и «защиты» или равнодушия, безразличия взрослых. Меня это как человека, как отца лично по-настоящему волнует. И я знаю, что очень многих волнует. Был предложен материал для роли. В чем-то несовершеннолетний? Возможно! Но где гарантия, что в ближайшие годы предложат драматический шедевр и в нем роль на эту тему? Нет ее. Зато есть надежда, что если выложишься, поищешь, может быть, симпривизируешь по ходу работы — хоть что-то зрительское сердце заденешь, хоть кого-то заставишь по-иному взглянуть на себя, на детей своих.

Верю в искренность актера, хотя его рассуждения в чем-то спорны. Ведь если следовать его логике, то где критерии актерских самооценок? Как вообще определить допустимые границы компромисса актера с драматургией предлагаемого образа?

И вообще, какова мера ответственности ак-

тиста за конечный художественный результат того или иного фильма?

К примеру, роль талантливого шахматиста Алехина в картине «Белый снег России», на мой взгляд, явила богатые возможности Михайлова как драматического актера, и тема фильма — потеря Родины, ведущая к краху личности и таланта, — очень важна и серьезна. Однако драматургические слабости картины, на мой взгляд, заглушали художнические усилия актера, идейно-воспитательный эффект фильма в целом.

И, напротив, яркая, чуть самоироничная, отмеченная строгим вкусом игра Михайлова в фильме «Мужики!..» превратила, по существу, заурядную, не самого высокого образа мелодраму на бытовом фоне в историю преображения, просветления человеческого характера — трогательную, но не слащавую. Думаю, в данном случае сам мужественный облик актера, волевые черты его лица «сработали» на успех картины. Но герой, Павел Зубов, проявляется и в поступках как настоящий мужчина, способный отбросить ложное самолюбие, принять волевое решение, доказать окружающим и самому себе, чего он стоит по счету высшему, человеческому! Результат — тысячи зрительских писем актеру, «ранг» лучшего киноартиста 1982 года по опросу журнала «Советский экран».

Актерское искусство — профессия могущественная. Но даже актеры не всемогущи. Все же, по моему, против плохого сценария у артиста одно безотказное оружие — отказаться.

— Так ведь, Александр?

— Уж если говорим откровенно, так давай откровенно: актер, как и представитель любой другой профессии, должен зарабатывать деньги. Чаще всего у него есть семья. Земные проблемы заработка, согласись, не слишком-то открывают, не слишком вдохновляют на терпеливое ожидание «синей птицы» удачи в облике режиссера, предложившего долгожданную роль. И потом, ты пойми психологию актера: ведь сейчас пригласили, а завтра могут и не пригласить, забыть. Вылетит, так сказать, из «обоймы»: ведь судьба актерская капризна. Выдержат, вытерпеть, добиться возможности выбрать и отказываться? Не терять надежду? А ты не думаешь, что моральное право требовать этого от актеров есть лишь у их немногочисленных коллег, которые прошли сей «крестный путь» достойно и безупречно.

— Камень в огород критики?

— Да и в свой собственный. Увы, не будет у меня индольгенции за те кинороли, которые, как теперь понимаю, лучше бы не играл вовсе.

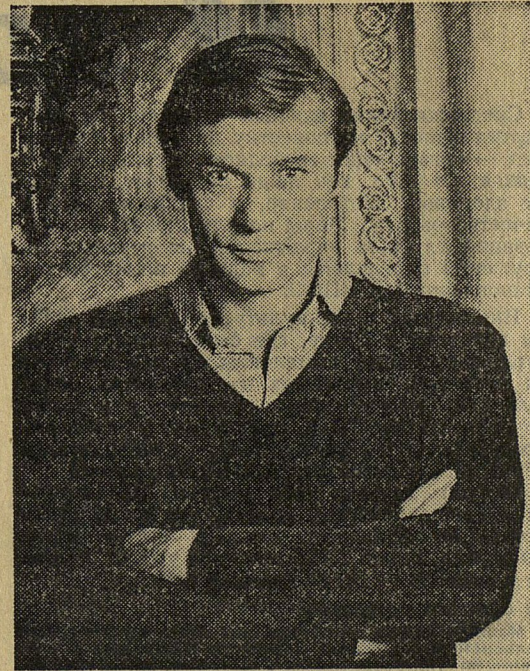
— Давай о более приятном — о твоих последних работах в кино и театре. Очевидны поиски в иных жанрах, заострилась характерность персонажей, ты сыграл людей, на тебя самого мало похожих, ты на экране стал в лучшем смысле этого слова «театральнее».

— Если имеешь в виду, что стал чаще идти от образа, то спасибо, это меня радует. Действительно, сам ощущаю, что просто представлять себя в предлагаемых обстоятельствах или декларировать с помощью текста роли некие житейские, нравственные рецепты мне неинтересно, не нахожу в этом удовлетворения. Владимир Меньшов, пригласив меня на роль Василия Кузякина в картине «Любовь и голуби», оказал огромное доверие мне в моем нынешнем поиске новой для себя характеристики. Ну, какое это было удовольствие — играть такого «неправильного», странного, увлеченного, чудаковатого и доброго голубятника из пьесы Гуркина! Не мне судить о результате, но само это доверие меня страшно подхлестывало, творчески возбуждало. Хорошо бы режиссеры чаще рисковали, доверяя нашему брату непривычные характеры или жанры — ведь до чего ж это повышает творческий тонус, какой азарт работы появляется на площадке, на сцене — ты бы только знал!

По-разному можно отнестись к этой картине. Думаюется мне, критика справедливо отмечала отдельные «пробелы» по части вкуса. Но работа Михайлова — в активе фильма. Он не просто естествен. Он наслаждается самой стихией игры... Есть ощущение импровизации, раскованности абсолютной. Он самоироничен до гротеска по отношению к своему герою, и в то же время ощущаешь «привязанность» к почве, к быту, к узнаваемо земным, в народной жизни высмотренным манерам, интонациям, жестам, проявлениям характера.

— Мне кажется, в этой работе ты ушел от той «номинальной» положительности образа, которая порой исчерпывала твои экранные типажи.

— Экранные — да! В кино актер вообще прочнее приклеен к своим психофизическим данным. Но в театре, на сцене я чаще бываю счастлив, чаще нахожу себя, отторгая какой-то внешний и внутренний стереотип, «благоприобретенный» мною на съемочных площадках, в процессе стремительных, порой, увы, поверхностных репетиций перед командой «мотор». Вот в последние недели пребываю в удивительном состоянии каждый раз накануне «Дяди Вани». В Ермоловском театре в режиссуре Владимира Андреева играю Астрова. Дьявольски волнуюсь каждый раз перед выходом, хотя

уже премьерные спектакли позади. Продолжаю искать максимально точное психологическое состояние чеховского героя в каждый момент его существования в пьесе. Иду от текста, от режиссерского замысла, от своего ощущения. Как он современен, Астров, в этой своей тревоге за леса, за природу, за душу человеческую! Какие смены душевного состояния угадываются в нем — от ернической самоиронии и почти циничного скепсиса до непоказного страдания умной личности, осознающей, сколько нравственных, духовных, физических сил остается в нем нереализованными в том мире тоски, мелких дрызг и взаимного непонимания.

Астров, на мой взгляд, серьезное достижение актера на путях поиска новой для него, органичной, смело заявленной характеристики. Достижение сценическое. Но вторя Владимиру Андрееву, режиссеру и педагогу, высоко оценившему творчество актера в недавней журнальной статье, хочется пожелать Александру Михайлову и на экране чаще демонстрировать свою творческую многоликость и «многохарактерность», которую он так успешно выявляет в театре.

Беседу вел
Г. СИМАНОВИЧ.

Заслуженный артист РСФСР А. Михайлов.
Фото В. Плотникова.